

ДО СЕДЬМОГО ПОТА

**РАБОТОЙ — ТОЛЬКО ТАК МОЖНО
ПРЕОДОЛЕТЬ ВИДИМЫЕ ГРАНИЦЫ
ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ,
СЧИТАЮТ ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ЛЕ-
НИНСКОГО КОМСОМОЛА, ЗАСЛУ-
ЖЕННЫЕ АРТИСТЫ РСФСР, ЦИРКО-
ВЫЕ ВОЗДУШНЫЕ ГИМНАСТЫ
БРАТЬЯ-БЛИЗНЕЦЫ ВАЛЕРИЙ И
ЮРИЙ ПАНТЕЛЕЕНКО.**

Самостоятельный человек Максим Пантелеенко ввалился в номер и, насупившись, проинформировал:

— Вот, упал. — Грязные варежки подтверждали это признание лучше всяких слов. — Что делать?

— Гулять дальше. — в тон пятилетнему сыну ответил Валерий Тимофеевич.

— Ага. Так я порисую...

Скинув шубку, Максим только-только пристроился на диване с карандашами, как явился гостиничный плотник чинить этот самый диван. Потом заглядывали беспрестанно артисты, дежурная по этажу; сновала по хозяйственным делам жена Валерия — Татьяна, чтобы освободиться к вечеру и всем вместе пойти на спектакль в театр. И я поняла, что глубоко ошибалась, полагая, что уж дома-то, в выходной день, после изнурительной каникулярной недели, когда приходилось ежедневно работать по три представления, художественному руководителю коллектива Валерию Пантелеенко есть время передохнуть от всякой суеты.

— Ничего, через четыре года выйду на пенсию, отдохну, — шутит он. Но, глядя на смеющееся молодое лицо, ладную, юношескую фигуру артиста, вовсе не хочется верить, что скоро дует братьев, который впору называть балетом под куполом, перестанет существовать как номер. Впрочем, что загадывать...

— Валерий Тимофеевич, на ваш взгляд, каков предел человеческих возможностей? Именно в цирке, который, как никакой другой вид искусства, предъявляет жесточайшие требования к человеку. На моих глазах был такой случай. Воздушная гимнастка на мгновение замешкалась в прыжке, и партнер-ловитель не сумел поймать ее в полете. Дальнейшее — как во сне. Несколько секунд она лежала на страховочной сетке, потом поднялась, неловко как-то перевалилась через край сетки, ее подхватили... Уходя с арены, она обернулась с застывшей улыбкой... Но только сомкнулся за ее спиной занавес — рухнула. Из бессознательно-го состояния ее вывели уже в больницу. Шок! Но шок этот сознательно, хотя каких, наверное, нечеловеческих усилий это стоило, был «оттянут» именно настолько, чтобы успеть дойти до спасительного занавеса. Публика ничего этого, конечно, не узнала...

— Вот это и есть один из тех «пределов», за черту которого обычный, рядовой человек сумел бы шагнуть лишь в экстремальных случаях, когда, например, вступает в силу закон самосохранения. Встреть вы в лесу медведя, кабана, ведь птичку вспорхнете на макушку дерева!.. А чтобы уметь властвовать собой, своим сознанием, как эта артистка, нужна очень здоровая натренированная психика, воля, которую можно собрать в кулак. Жизнь полна таких примеров! Я читал о военном летчике, который почти мертвым поса-

дил самолет: он заставил работать раненое сердце до тех пор, пока не понял, что сел на землю.

Несколько лет назад, когда мы с Юрой разрабатывали свой номер, попросили хорошего авиаконструктора сделать кое-какие расчеты. Вникнув в суть трюка, он сказал: «Ребята, по физическим, математическим и прочим законам такой нагрузки человеку не выдержать. Позвоночник ведь не железный». Но мы-то уже делали этот уникальный трюк, и до сих пор делаем его, и ничего, терпят наши позвоночники.

— Значит ли это, что на цирковых представлениях мы видим именно предел человеческих возможностей, — естественно, учитывая то обстоятельство, что арена, в конечном счете, для артистов такое же обычное рабочее место, как, скажем, кульян для чертежника?

— Думаю, не обижу всю цирковую братию, если скажу, что это далеко не так. Я близко знаю жонглера Сергея Игнатова, работали вместе на гастролях в Париже, в Японии, в Монте-Карло, и не припомню случая, чтобы он хоть раз не выполнил свою ежедневную норму — шестичасовую репетицию. Уверю — это блестящий манипулятор, такой техники я ни у кого не видел еще. И этот человек ежедневно изводит себя по шесть часов кряду, до седьмого пота!.. Вот он считает, что не достиг предела совершенства, что можно работать одновременно почти с двумя десятками предметов.

И я знаю жонглера, который... достиг своего потолка, предела, и, увы, он знает об этом, но не может найти в себе силы, чтобы выжимать из себя те самые семь потов. Так вот и плодятся в цирке серенькие номера, которые затем кочуют из программы в программу, ничем не запоминаясь зрителю.

— Валерий Тимофеевич, вы упомянули о пенсии. Неужели так вот и бросите цирк?

— Нет, конечно. Но понятие «возрастной ценз» в цирке существует... Усталость со временем, конечно, накапливается. Но мы ведь до сих пор еще не знаем предела своих возможностей, потому что номер все усложняется, совершенствуется.

Вот стоит перед нами с Юрой эта цифра пенсионного возраста — 42 года. Но ведь все индивидуально! Возьмите близкую область — балет. Кто-то и до тридцати лет не дотягивает, организм так изнашивается, а кто-то и в пятьдесят танцует. Но уйти вовремя — для этого тоже нужно мужество.

Нам есть кому передать свое дело — у каждого по двое ребятишек. В Максиме я уверен на двести процентов, а вот в дочери... Елене девятнадцать, а она еще ничего не решила. Конечно, речь не идет о гимнастике, скорее, о дрессуре животных, но тем не менее возраст для цирка критический.

— Во сколько вы сами пришли в цирк?

— В общем-то, тоже поздно, в семнадцать. И это, кстати, случайность. Нами просто заинтересовались — братья-близнецы для иллюзионного аттракциона суший клад. Так мы некоторое время работали у известного иллюзиониста Семена Рубанова, а потом поняли, что надо делать свой номер, по-настоящему учиться ремеслу циркового артиста. Работали несколько лет гимнастами в коллективе «Поиск» под руководством Казимира Бобок, закончили высшую школу спортивного мастерства в Ростове, а в 1970 году создали свой первый номер «Гимнасты на ремнях». Ну, а затем — воздушно-гимнастическую поэму «Гимн солнцу», за что и были удостоены премии Ленинского комсомола.

— По сообщениям печати, ваш номер вызвал большой интерес за рубежом во время Международного циркового фестиваля в Монте-Карло, где вам был вручен специальный приз столицы государства — Монако. Что как артисту дают вам подобные конкурсы?

— Я видел все сорок три номера программы фестиваля, и сейчас по памяти мог бы рассказать о каждом — такие они были впечатляющие.

Есть, конечно, вещи, которые у нас просто неприемлемы, например, работа без страховки. Мы сдружились с одной колумбийской семьей. Так вот, наравне со взрослыми на немислимой вершине работал их пятилетний отпрыск. Да, без лонжи! Зрители обмирали со страха за ребенка. Отчаянные люди! А ведь их заработок едва хватает, чтобы оплачивать дорогу, счета в гостинице, прилично питаться, чтобы не потерять форму и силы.

Я видел, как с утра до поздней ночи крутился возле своих девяти львиц и пантер шведский дрессировщик. Он сам себе и импрессарио, и грузчик, и рабочий... За необычайно добродушный нрав, долговязую фигуру мы прозвали его Дон Кихотом. Дон Кихот постоянно живет на пределе — страх финансового краха, когда нечем будет кормить зверей, не позволяет ему нанять даже рабочего, не говоря уж об ассистенте, который помогал бы ему во время представления. Но такого «предела» я бы не пожелал ни одному коллеге в мире.

...Прощаюсь с семьей Пантелеенко. Где-то в коридоре вылавливаю из толпы ребятишек Максима, чтобы пожать его мужественную руку. Надо же, в течение двух часов парень старательно занимался игрушками, своими делами; пока отец был занят, ни разу не оторвал взрослых от работы. Спрашивать, кем он будет, излишне. С таким упорством и самостоятельностью — только циркачом.

Р. ЩЕРБАКОВА.
Наш корр.